

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

1. Этнографические исследования на Харьковщине

2. О роли языка в познании. «Мысль и язык»

Заключение

Список использованной литературы

Введение

Особое место в языковедении принадлежит известному учёному Александру Афанасьевичу Потебне. Теоретическим вопросам языкознания посвящены его книга “Мысль и язык” (1862) и “Из записок по русской грамматике” (1874). А.А. Потебня считал язык отражением народной психологии и отрицал связь грамматики с логикой, но это не мешало ему признавать единство языка и мышления. В вопросе о языке и мышлении он оставался на позициях Гумбольдта. Особенно примечательно то, что Потебня не ограничивался психологическим истолкованием языка и речи, а стремился вскрыть специфику языка как особой системы. В результате этого ему удалось по-новому поставить вопрос о слове, грамматической форме и частях речи и обнаружить существенные специфические свойства этих явлений языка.

По широте разрабатываемых проблем - общие вопросы языкознания, фонетика, семантика, синтаксис, этимология, диалектология, фольклор и этнография, литературоведение - Потебня занимает исключительное место в истории языкознания.

1. Этнографические исследования на Харьковщине

Александр Афанасьевич Потебня (1835-1891) - имя немалого значения как в лингвистике, так и в теории литературы. Новые течения в обеих областях не обходят его, они или отталкиваются от него, или так или иначе определяют свое к нему отношение. Его уже нельзя миновать, игнорировать. Он обозначился в науке о языках, как материк, и устремляется в будущее вместе с мировым океаном лингвистики.

Улица Потебни (раньше - Подгорная) в Харькове расположена в центре города, в так называемом Нагорном районе, и соединяет переулок Театральный и улицу Маршала артиллерии Бажанова. Она не очень большая, но все еще по преимуществу несет черты, быть может, того Харькова, где ходил во второй половине XIX в.

прославленный ученый, которым ныне гордится город и труды которого изучает практически весь лингвистический ученый мир.

Есть улица Потебни и в Киеве. Имеется там и институт языковедения им. А. А. Потебни НАН Украины, созданный в 1930 г. Из него в 1991 г. на основе отделов теории и истории украинского языка, лексикологии и лексикографии, культуры украинского языка, диалектологии и ономастики был образован Институт украинского языка НАН Украины. Александр Потебня родился на хуторе Манев, близ села Гавриловка Роменского уезда Полтавской губернии в дворянской семье. А скончался 11 декабря (29 ноября по ст. ст.) 1891 г. в Харькове, прославившем его и который прославляет до сих пор он сам, спустя 175 лет со дня рождения и почти 110 лет со дня кончины.

Потебня оставил след в разных областях языкознания, филологии, фольклористики. Так, например, с легкой руки М. А. Максимовича, начавшего при изучении «Слова о Полку Игореве» определять историко-поэтическую связь южной Руси настоящего времени с домонгольской южной Русью в отдельных поэтических образах, выражениях и эпитетах, эта интересная работа по большей части была произведена Потебней в примечаниях к «Слову о Полку Игореве», вышедших в 1877 г. Признавая, подобно многим ученым, в «Слове» произведение личное и письменное, он нашел невероятным, чтобы оно было сочинено по готовому византийско-болгарскому или иному шаблону и указал на обилие в нем народно-поэтических стихий.

А исследования А. А. Потебни по символике и мифологии ярко выявили мировоззренческую, или «картинообразующую», функцию языка. Предложенный А.А. Потебней анализ произведений народного творчества показал, как в народном сознании формируются важные концепты культуры, как язык сохраняет в себе весь опыт социального бытия.

Ученый Александр Потебня изучал украинские говоры (объединявшиеся в то время в лингвистике в «малорусское наречие») и фольклор, стал автором ряда основополагающих работ по этой тематике, выступал за сохранение и развитие украинской национальной культуры.

Елена Третьякова четко подчеркнула сегодняшнюю актуальность работ знаменитого харьковчанина: «Автор замечательной книги "Мысль и язык" А. А. Потебня пояснял, что эклектика - результат "амальгамирования" национального языка. Лишенные органического развития язык и миф распадаются; их обломки, многократно переработанные во множестве отдельных отраслей знания, никогда не достигают той полноты возможностей, которыми обладало эпическое знание о прошлом народа. Говоря о том, почему эклектика приводит к угасанию живых языков, Потебня употребил аналогию с отжившими свой век зеркалами. Их изготавливают для того, чтобы в них можно было глядеться и видеть себя; однако со временем нанесенные на обратную сторону зеркального полотнища слои ртутной краски смещаются, оплывают. После этого у "ослепшего зеркала" остается лишь непрозрачно-матовый блеск, как у жемчужин. Такое "ослепшее от времени" стекло все еще отражает свет, но в нем уже не видны ни лица людей, ни тени фигур и окружающих предметов»... В самом деле, лучшей гарантией недопущения утраты национальной самобытности народов является осознание самоценности национальных языков как отражений неповторимых складов мышления, чье, как полагал Потебня, глубокое спокойное исследование раскрывает каждому народу глаза на бездну красоты, силы и незаменимую уникальность.

Проблему взаимосвязи языка и народа А. А. Потебня, выдающийся языковед, литературовед, философ, первый крупный теоретик лингвистики в России, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, рассматривал концептуально. Верно замечено, что исторические предпосылки становления проблемы взаимосвязи языка и народа в отечественной философской мысли определяются самим характером формирования древнерусской и российской

цивилизации. Проблема сохранения национального языка и культуры всегда оказывалась актуальной, что было обусловлено рядом факторов: политических, социальных, религиозных. Русь находилась в постоянном взаимодействии и противоборстве и с Востоком, и с Западом. На заре формирования древнерусской народности и государственности выбор между двумя мировоззренческими доктринами - языческой и христианской - заставлял древнерусских мыслителей обращаться к выявлению и осмыслению характерных черт русской ментальности. Не последнее место в этом процессе отводилось и языку, что было связано с освоением не только новой формы мировоззрения, но и нового способа оформления религиозной мысли - посредством церковнославянского языка, который, с одной стороны, во многом напоминал родной язык, с другой стороны, не был принижен каждодневным житейским употреблением.

Александр Потебня, получивший начальное образование в польской гимназии города Радом, окончил в 1856 г. историко-филологический факультет Харьковского университета. Следует не забывать, что под влиянием своих педагогов, профессора Амвросия Метлинского, Петра и Николая Лавровских, а также собирателя песен студента Неговского, Потебня увлекся этнографией, стал изучать малорусское наречие и собирать народные песни. Поработав учителем словесности в харьковской гимназии, он в 1861 г. защитил магистерскую диссертацию «О некоторых символах в славянской народной поэзии» и стал читать лекции в Харьковском университете. Знаменитый труд «Мысль и язык», о котором мы вспомнили выше, был выпущен в 1862 г. Молодой ученый посещал лекции в Берлинском университете, изучал санскрит, побывал в нескольких славянских странах. В 1874 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Из записок по русской грамматике», а в 1875 г. стал профессором Харьковского университета. В конце этого же года 30-летний исследователь был уже членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по Отделению русского языка и словесности! В 1877 г. он был избран действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете. В том же году получил Ломоносовскую премию, а в 1878 и 1879 гг. был награжден Уваровскими золотыми медалями. Кроме того, Александр Потебня был председателем Харьковского историко-филологического общества (1878-1890) и членом Чешского научного общества. Одним из первых в России он начал изучать проблемы поэтического языка в связи с мышлением, ставил вопрос об искусстве как особом способе познания мира. Сделаем акцент и на том замечательном для харьковчан факте, что А. А. Потебня создал научную «харьковскую лингвистическую школу». Отметим, что патриот своей как малой, так и великой родины, Александр Потебня все же был скептически настроен к идее самостоятельности украинского языка и к разработке его как литературного. Он рассматривал русский язык как единое целое - совокупность великорусских и малорусского наречий. Общерусский литературный язык считал достоянием не только великороссов, но и белорусов и малороссов в равной степени. Это отвечало его взглядам на политическое и культурное единство восточных славян - «панрусизму».

Кроме чисто научных трудов и исследований под редакцией А. Потебни вышло прекрасное издание сочинений украинского писателя Г. Ф. Квитки-Основьяненко (Харьков, 1887 и 1889 г.) с соблюдением ударений и местных особенностей харьковского говора. В «Киевской Старине» в 1888 г. А. Потебней были изданы сочинения П. П. Гулака-Артемовского (ректора Харьковского университета в 1841-1849 гг., дяди композитора С. С. Гулака-Артемовского, который был учеником М. И. Глинки) по подлинной рукописи автора, с соблюдением его правописания, а в «Киевской Старине» 1890 г. были изданы малорусские лечебники XVIII в. В посмертных бумагах Александра Потебни был найден также перевод части «Одиссеи» на украинский язык размером подлинника. Судя по отрывкам, ученый хотел дать перевод чисто народным языком, близким к стилю Гомера; и потому сделанное им начало перевода представляет труд весьма интересный и в литературном, и в научном отношении.

В рукописях А. Потебни оказалось 20 папок объемистых и ценных трудов по истории русского языка и теории словесности. Наиболее целостным трудом является III том «Записок по русской грамматике» (изданы в 1899 г. в Харькове) - сочинение философского характера, в котором говорится о задачах языкознания, о национализме в науке, о развитии русского слова в связи с русской мыслью... К счастью в Харькове помнят не только по книгам замечательного ученого и великого земляка. Еще стоит на улице Александра Потебни дом, возраст которого, по заверению местных жителей, приближается к 150-летнему рубежу. Именно в этом доме №4 на Пушкинских склонах в конце позапрошлого века более двадцати лет жил, занимался педагогической деятельностью и научным творчеством харьковский и всемирный Александр Афанасьевич Потебня, наследие которого актуально не только с научной точки зрения, но и востребовано днем сегодняшним, особенно на украинской земле.

2. О роли языка в познании. «Мысль и язык»

Потебня языкознание лингвистический словесность

В самом начале своей научной деятельности Потебня поставил для себя задачу исследовать эволюцию мысли и языка, начиная с довербального мышления и кончая созданиями словесности, искусства и науки; определить этапы или стадии этой эволюции, ее внутренние механизмы, основные элементы, способы объективации мысли, движение мысли от незнания к знанию, от старого знания к новому, найти условия и предпосылки перехода в этом процессе от одной ступени развития мысли к другой. «Откуда и куда идем?» -- вот основной пафос научных изысканий Потебни в движении мысли и языка. Функция отражения и познания действительности является для языка основополагающей и органически неразрывной с его функцией как средства общения. Язык, согласно Потебне, «постоянно остаётся посредником между познанным и вновь познаваемым. Как вещественные значения, так и формы должны быть рассматриваемы как средства и вместе акты познания» [1, с. 59]. В эволюции человеческого мышления и языка Потебня выделяет три способа или стадии мышления: мифическое, поэтическое и прозаическое или научное. Эти способы мышления он устанавливает, опираясь на генетический и функциональный

анализ прежде всего слова как узловой единицы языка, распространяя затем этот анализ и выделенные в нем элементы и категории на более сложные произведения мысли -- словесность, искусство и науку. Исходным способом мышления Потебня называет мифическое. Оно характеризуется по сравнению с последующими способами мышления меньшими запасами мысли и меньшей способностью к отвлечению. Это мышление необходимо, оно свойственно всем людям, «стоящим на известной ступени развития мысли» [2, с. 416], может включать любое содержание, и в этом смысле оно формально. Мифическое мышление (как и последующее поэтическое) «кроется в первоначальном слове» [3, с. 583]. Основными формами мысли, могущими выражать различное содержание, Потебня считает образ и понятие, которые мы наблюдаем в языке на всю историческую глубину, доступную исследованию. В выделенных Потебней формах мысли нет такой ожидаемой формы, как суждение. Его отсутствие объясняется той ролью, которую суждение играет в познавательной деятельности человека. Суждение -- это та мыслительная «лаборатория», в которой формируется понятие (см. ниже). Подобно тому, как мифическое мышление выделяет из себя поэтическое, последнее переходит в мышление прозаическое или научное. В своем труде «Мысль и язык» Потебня поясняет, почему он прозаическое мышление сближает, а в последующем и отождествляет с научным: «Прозу понимаем здесь за науку потому, что хотя эти понятия не всегда тождественны, но особенности прозаического настроения мысли, требующие прозаической формы, в науке достигают полной определенности и противоположности с поэзией» [2, с. 193]. Способы мышления не отделены друг от друга, а исподволь вырастают один из другого, сосуществуя исторически длительное время. Только постепенно эволюционируя, один тип мышления начинает преобладать над другим, полностью, однако, его не исключая. Изменения способов мышления настолько медленны, «что вряд ли могут быть замечены в короткие периоды, более или менее нам известные» [2, с. 369]; о способах мышления см.: [2, с. 414 и сл.; 4, с. 168 и сл.; 5, с. 122 и сл.]. Таким образом, в языке наряду с образным, поэтическим отражением действительности наличествует и научный элемент ее отражения и познания, обязанный понятийной системе языка. Значение слова классифициционно по своей природе, и этим свойством оно обязано формирующемуся с его помощью понятию. В свою очередь, классификационность понятие не создает само из себя. «Понятие, -- замечал Потебня, -- развивает только то, что давно было уже до него» [2, с. 218]. «Слово не дало бы общности, если бы ее не было до слова» [6, с. 124]. Потебня подчеркивал, что «действительное знание для человека есть только знание сущности...» [2, с. 154]. В мифическом мышлении нет движения мысли к сущности отражаемого и познаваемого явления действительности. Такое движение свойственно двум другим способам мышления -- поэтическому и прозаическому (научному) и характерным для них соответствующим формам мысли -- образу и понятию. Причем исходной формой в познании является образ. «...Поэтическое мышление есть одно из средств познания» [2, с. 521]. В слове образ предполагает движение от внутренней формы слова (= признака, положенного в название) к значению, т.е. к множеству признаков обозначаемого предмета, познаваемых в

практике общения. Генетически в слове, в выражаемом словесном образе также осуществляется отвлечение от случайных и излишних признаков, они заменяются постоянным представлением, создающим единство и общность образа. Именно благодаря образу, по Потебне, «человек впервые приходит к сознанию бытия темного зерна предмета, к знанию действительного предмета» [2, с. 155].

Поэтическое мышление, генетически и исторически связанное со словом, характерно для всех других произведений мысли, формой которых является образ. Поэзии в широком смысле слова, пишет Потебня, свойственны «изображения лиц, характеров, событий, чувств, сводящие бесконечное разнообразие жизни на сравнительно небольшое число групп. Здесь поэзия, как и пластическое искусство, в своих областях является могущественным донаучным средством познания природы, человека и общества. Она указывает цели науке, всегда находится впереди нее и незаменима ею вовеки» [2, с. 343]. Такое взаимоотношение поэтического и прозаического (научного) мышления наблюдается не только исторически. И в настоящее время «где недостает научного понятия, там выступает на сцену поэтический образ» [2, с. 536]. Широкий охват этой проблемы с точки зрения художественного творчества и методологии исследования художественной литературы мы находим в монографиях О. Преснякова [19] и С.И. Сухих [20]. Словесный образ вследствие исконного неравенства внутренней формы слова и значения (действительного содержания мысли) необходимо ведет к объективному в известной степени познанию, т.е. в конечном счете, к формированию понятия. И образу и понятию свойственно обобщение. Только в словесном образе обозначаемое классифицируется по одному признаку (представлению), создающему известное единство. Но это обобщение не дает понятия. Последующая работа мысли заключается в расчленении образа, в выделении различных его признаков. Такой процесс формирования понятия дает Потебне основание определять его как вид деятельности. Это расчленение происходит в виде суждений об отражаемом явлении действительности. Соединение слов в двучленные единицы (суждения) одинаково обогащает и подлежащее (субъект) и сказуемое (предикат) атрибутами, в массе которых теряются исходные признаки этих слов, их образность. В результате развивается понятие, мысль становится более отвлеченной. Совокупность суждений, на которые распался образ, и образует понятие. В этом познавательном процессе слово, как это очевидно, выступает средством образования понятия. «Оно, -- писал Потебня, -- есть средство образования понятия, и притом не внешнее, не такое, каковы изобретения человеком средства писать, рубить ...и проч., а внутреннее самую природою человека и незаменимое» [6, с. 125-126]. В движении мысли к объективному, т.е. научному, сущностному познанию действительности, образ и понятие взаимно предполагают друг друга. «... Единственный строительный материал науки, -- отмечает Потебня, -- есть понятие, составленное из объективированных уже в слове признаков образа» [2, с. 195]. Понятие характеризуется «ясностью мысли», поскольку оно представляет собой совокупность выделенных и познанных признаков [6, с. 124]. Выделение и познание признаков есть одновременно систематизация и классификация обозначаемых явлений действительности. В понятии по мере отвлечения

отличительных, существенных признаков исключается все случайное и, напротив, развивается определяющее, необходимое. Указывая на это свойство мысли «всему назначать свое место в системе», Потебня отмечал: «Как необходимость достигает своего развития в понятии и науке, исключающей из себя все случайное, так и склонность систематизировать удовлетворяется наукою, в которую не входит бессвязное. Путь науке уготовляется словом» (6, с. 124). Исходя из таких посылок ученого, трудно сказать, к какому времени относятся истоки прозаического (научного) отражения и познания человеком действительности. «Наука началась там, -- пишет Потебня, -- где начался анализ явлений, а так как когда начался анализ явлений, никто сказать не может, то, очевидно, нельзя сказать, когда началась наука» [2, с. 148]. Путем многотысячелетнего употребления языка говорящим коллективом формируются различные по степени отвлеченности (а следовательно, и классификационности) и выполняемым функциям единицы языка (грамматические, словообразовательные, лексические) и их системы. Как выразители определенных абстракций эти единицы и их системы образуются объективно и стихийно, независимо от воли людей-носителей языка. В качестве «внутриязыковых значений» эти единицы образуют внутреннюю форму языка, с помощью которой говорящие выражают различное по условиям речи конкретное содержание. Эти единицы содержат элемент прозаического (объективного, научного) отражения действительности. Согласно Потебне, научный элемент в языке появился задолго до изобретения человеком письменности: «Уже в глубоко древних слоях праиндоевропейских языков находим прозаическое и вместе научные элементы: место-имения и произошедшие из них грамматические стихии слов, выражения формальных разрядов мысли; числительные, представляющие свое содержание непосредственно, а не как данные в некоторых американских и африканских языках, при помощи образов: рука, две руки, две руки и две ноги, человек ...» [2, с. 368-369]. Собственно научная рефлексия говорящих по отношению к устройству своего языка, к другим областям деятельности, т.е. специальное научное исследование, появляется значительно позже. Науку (в нашем случае языкознание) можно рассматривать как сознательное метаязыковое отражение того, что издавна закреплено в единицах, их значениях и отношениях объектного языка, т.е. языка народа. В наших научных исследованиях мы открываем, приводим в известность, анализируем, общим словом, -- познаем то, чем «несведы» по Потебне, испокон веков пользовались в общении, обменивались опытом, руководствовались в жизни и т.д., не отдавая себе отчета, не догадываясь о научных элементах своего языка. Автоматическое, бессознательное употребление названных выше единиц языка, их значений и отношений в качестве внешней и внутренней формы языка освобождает, по Потебне, умственную энергию человека для творческой речевой деятельности, выражения различного рода конкретного, предметного содержания. В этом взаимодействии формы и содержания заключается необходимое условие постоянного движения языка, развития и совершенствования его системы. Специальное познание языка и возникновение науки о языке (как и формирование других отраслей знаний) начинается с того порога, на котором остановилась общезыковая семантика. Собственно научное

познание знаменуется разделением труда и выражается в образовании специальной научной речи, терминологий (для языкознания это означает формирование языка второго порядка, или метаязыка). Однако доказательством того, что и общеупотребительный язык включает известный научный элемент, служит до настоящего времени его тесная связь и преемственность со специальными терминологиями. Об этой связи В.В. Виноградов писал: «...Между словарем науки и словарем быта прямая тесная связь. Всякая наука начинается с результатов, добытых мышлением и речью народа, и в дальнейшем своем развитии не отрывается от народного языка. Ведь так называемые точные науки до сих пор удерживают в своих словарях термины, взятые из общенародного языка (вес, работа, сила, тепло, звук, отражение и т.п.)» [7, с. 165]. Разумеется, результаты народного познания дошли до нас не только в виде абстракций, закрепленных в письменном виде в языке и речи. Народное познание воплощено в орудиях труда, ремеслах, строениях, одежде, в фольклоре, трудовых навыках и т.д. Из поколения в поколение передавался народный опыт, навыки, умение как в непосредственной разнообразной деятельности людей, так и в речевом общении. Все это откладывалось в мышлении и языке народа в виде знания об окружающем мире и о самих себе. Внутренняя форма языка («внутриязыковые значения», или абстракции разных уровней) представляла и закрепляла народное знание в обобщенном, отвлеченном виде. Ценность народного познания действительности и в виде содержания в речевых произведениях, и в виде внутренней формы языка особенно стала наглядной и доступной с изобретением письменности, способной передать результаты закрепленного народного познания многим будущим поколениям. Это закрепленное в различных по своей природе языковых знаках (грамматические, словообразовательные, лексические единицы) абстрактное познание имеет огромное протяжение во времени, исчисляемое многими веками и тысячелетиями; поэтому здесь закреплены, несомненно, положительные результаты познания. Важную роль народного познания действительности Потебня видит не только в образовании тех понятий, которые отражают конкретную предметную деятельность людей. Особенную ценность имеет формирование понятий и категорий, в которых отражены общие представления народа о мире и своей жизни. Историю формирования основных знаменательных частей речи Потебня связывает с последующим -- сознательным и субъективным -- образованием собственно философских категорий: «Так, существительное, т.е. слово, способное быть определяемым (посредством прилагательного), подлежащим и дополнением, есть грамматическое название вещи -- субстанции, субъекта и объекта» [8, с. 6]. В мысли о субстанции, по Потебне, дана и «мысль о причинности, поскольку субстанция познаваема только в своих явлениях или «замещениях»; но это познаваемое само по себе стоит за пределами познания. Субстанция (вещь как связка явлений (качеств, сил), рассматривается отдельно от других связок) представляется поэтому источником (причиной) этих явлений». Эти свои мысли Потебня иллюстрирует следующими примерами: «Как метонимично мы говорим, «читать Гомера», т.е. приписываемые ему творения, так же метонимично мы говорим: «познавать себя»,

т.е. в наших обнаружениях, «познавать вещество» (совокупность атомов, к коей, как субстанции, относятся физические явления), т.е. известное сочетание сил, его форму; «познавать природу» (олицетворение Natura), мир, т.е. их явления; «познавать Бога», т.е. его творения или обнаружения» [8, с. 7]. В силу сказанного Потебня обращает внимание на то, что наше познание мира не может не быть человекообразным, антропоморфным. Человекообразность в языке он также рассматривает на примере основных знаменательных частей речи -- существительного, прилагательного, глагола. В частности он пишет: «Субъектом называем вещь как познающую и действующую, т.е. прежде всего себя, наше я, потом всякую вещь, уподобляемую в этом отношении нашему я. Объектом, предметом называем вещь, противоположную субъекту, познаваемую, подлежащую действию, косвенно изменяющую его» [8, с. 7]. И далее Потебня на конкретных примерах раскрывает, в чем выражается человекообразность языкового отражения и познания действительности: «... Действие субъекта мы можем выразить, т.е. представить себе только человекообразно («дождь идет», как «человек идет», «я иду»), можно думать, что и вообще понятие действия, причины возникли так, что наблюдение над нашими действиями перенесено на действия объектов, так что всякий субъект -- подобие нашего я, так что всякое действие -- подобие нашего действия. Таким образом, отношения между понятиями: субстанция и явления, вещество и сила или качество, Бог и мир -- человекообразны, могут быть выражены в нашем языке как подобию отношения между нашим я и его действием, в частности -- его познанием вместе с познаваемым» [8, с. 7-8]. Потебня затем отмечает, что закрепленные в языке отношения между приведенными выше категориями, отражающими общий ход человеческого познания, наблюдаются и в отношениях соответствующих собственно философских категорий: «...Как грамматические разряды: определяемое и определение, подлежащее и сказуемое, так и соответственно выражаемые ими философские разряды -- парны; ход человеческой мысли состоит из парных толчков: объясняемого и объясняющего» [8, с. 8]. Человекообразность (антропоморфизм) познания предполагает и его субъективность. «Язык, -- подчеркивал Потебня, -- явление очень субъективное» [9, с. 22]. Выделить субъективный элемент из результатов нашего познания есть одновременно в известной степени и определение объективного в нашем познании. Между тем «объективность (согласие мысли с ее предметом) остается постоянной целью усилий человека. Прежде всего человек приближается к этой цели субъективным путем языка, потом он старается выделить и эту субъективность и по возможности освободить от нее предмет, хотя бы даже заменяя ее на другую, то есть личную» [2, с. 60-61]. Надо сказать, что ведущую роль в выделении субъективного элемента в слове Потебня отводит теоретическому языкознанию: «...Практическое значение теоретического языкознания должно состоять в том, чтобы сообщить человеку убеждение в субъективном содержании слова и уметь выделить этот элемент из объективного сочетания мысли и слова» [9, с. 105]. Отсюда Потебня делает вывод об относительности противоположения субъективного и объективного в процессе познания: «...Понятия объективного и субъективного относительны, и, без сомнения,

придет время, когда то, что нам представляется свойством самой природы, окажется только особенностью нашего времени» [2, с. 205]. Исследуя факты языка, сравнивая их с предметами изучения других наук, Потебня стремится выяснить те условия образования нашей мысли, в каких она достигает, по возможности, наибольшей объективности. В связи с этим он отмечает: «Различие степеней объективности мысли тождественно с различием ее отвлеченности: самая отвлеченная из наук математика есть вместе самая несомненная в своих положениях, наименее допускающая возможность личного взгляда» [2, с. 195]. Относительность субъективного и объективного присуща человеческому познанию, движение в наших отражениях действительности к объективному постоянно; оно характерно как для детства человечества, так и для современного его состояния. В силу этого познание человеком действительности бесконечно. Такой характер человеческого познания дает основание Потебне высказать ряд продуктивных методологических положений, касающихся научных теорий и представлений, их места в движении человеческой мысли. «Усилия мысли, -- пишет он, -- снимают с истины один покров за другим; но то, что в первые минуты казалось голою истиною, вслед за тем непременно оказывается лишь новою ее оболочкой» [2, с. 280]. Научное мышление отличается анализом, который состоит «в разложении конкретных (сложных) восприятий и созданий мысли на исключаящие друг друга стихии с целью нового, более удобного для мысли их сложения» [2, с. 422]. Успехи анализа усиливают способность сомнения в истинности этих сложений и в итоге толкают к поиску новых восприятий и приведению их в связь и согласие с прежними. Накопление и обобщение такой работы мысли делает возможной ее историю, которая, по Потебне, «поддерживает убеждение, что мир человечества в каждый данный момент субъективен; что он есть смена миро- созерцаний, истина коих заключается лишь в их необходимости; что мы лишь потому можем противопоставлять наше воззрение как истинное воззрению прошедшему как ложному, что нам не достает средств для проверки нашего воззрения» [2, с. 422]. При этом распространность определенного мнения не может служить доказательством его истинности: «Господство известного мнения, его популярность в данное время служат для нас не доказательством его истинности, а, напротив, указанием на то, что это мнение достигло поры, когда оно должно измениться, и на то, в каком направлении должно произойти это изменение» [2, с. 408]. Значительно позже аналогичные идеи о месте научных теорий и гипотез в развитии науки высказывал В.И. Вернадский: «Научные теории и научные гипотезы - - которые особенно интересуют научную мысль -- в науке суть преходящие формы научного творчества. Они не только в корне меняются, но их обязательность существует только постольку, поскольку нет или поскольку не выставлены совокупности точных фактов или научных эмпирических обобщений, им противоречащих» [10, с. 68]. Поскольку нет языка вообще, «а есть только языки и их разновидности вплоть до личного языка (язык особи) включительно, языка, изменяющегося по месту и времени» [8, с. 8], то общие разряды мысли зависят от конкретных языков, где эти разряды образуются, и степени их развития во времени. Поэтому ученый считает важным при исследовании таких общих понятий и

категорий учитывать их народность и временность. Потебня решительно выступал против распространенных и в его время мнений ученых, пророчествовавших слияние языков в будущем, образование «общечеловеческого языка». В соответствии со своими взглядами на роль языка в познании он утверждал, что если такое слияние было бы возможно, то оно привело бы к понижению уровня мысли, потому что каждый язык представляет собой особый, индивидуальный путь к истине. Сокращение таких путей не выгодно для человечества. Одновременно Потебня подчеркивал, что «язык не есть только известная система приемов познания, как и познание не обособлено от других сторон человеческой жизни. Язык есть вместе путь сознания эстетических и нравственных идеалов, и в этом отношении различие языков не менее важно, чем относительно познания» [2, с. 259]. Кроме того, народность и временность общих понятий в языке позволяет установить их историю, связь и преемственность с формирующимися на их основе собственно философскими категориями. В связи со сказанным выше Потебня делает следующий вывод: «Народность и временность категорий значит еще и другое: последовательность учений отдельных таких-то мыслителей, говоря относительно, поздних и редких, она ставит в зависимость от безначальной (для нас) деятельности племен и народов, т.е. «несведы», безымянных для нас особей, уже тысячелетия совершенствующих способы распределения и ускорения мысли, заранее подготовлявших возможность отдельных наук и слагавших в языках на пользу грядущим плоды своих усилий» [8, с. 9]. Таким образом, категории науки, философии вырастают из тех мыслительных достижений, которые берут начало в конкретных языках. Потебня резко осуждал мнения тех ученых, которые считали такие категории продуктом «чистого мышления», а потому «общечеловеческими» (подобные рассуждения весьма распространены в наше время). С иронией он пишет: «Если я «чистым» (как мне кажется) мышлением, «интеллектуальным созерцанием» выужу из глубины духа нечто, как мне кажется, «общечеловеческое», т.е. существующее во всех или обязательное для всех в будущем, то ведь мой улов будет похож на то, если бы я, зная из всех собак только своего пуделя, сказал, что такова собака вообще, или если бы, любя его, я сказал, что такова должна быть вообще. Иначе: для правильного суждения об общечеловеческой категории субстанции, качества и пр. нужно знать, в каком она виде дана в языках, это трудно, до конца даже неисполнимо, но лучше, чем, не достигая цели, уверять себя и других, что общечеловечность, кафоличность у нас в кармане» [8, с. 8-9]. 12 Эти идеи Потебни весьма актуальны для современного теоретического языкознания и философии. Известно, что такие современные направления в философии, как аналитическая, лингвистическая, семантическая философия значительное место уделяют анализу естественного языка, и прежде всего тех общих, базисных понятий и категорий, которые легли в основу содержания соответствующих философских терминов (ср. приведенные выше суждения В.В. Виноградова). Таким образом, поэтическое и прозаическое мышление и свойственные им формы мысли -- образ и понятие -- направлены на познание действительности. Одновременно Потебня подчеркивает существенные различия между ними, делающие их взаимно предполагающими и

потому незаменимыми способами познания. Вместе с тем хотя образ и понятие в слове, с одной стороны, и художественный образ или система образов в словесности и пластическом искусстве, с другой, -- генетически между собой связаны, они, в свою очередь, существенно различаются. Образ в слове, создаваемый его внутренней формой, должен быть общепонятен, народен, чтобы по одному признаку, положенному в название, каждый говорящий на данном языке легко мог представить значение слова. Но значение слова с самого начала не равно его внутренней форме, оно шире его, поскольку включает множество признаков отражаемого и обозначаемого предмета. По мере же развития в слове понятия признак уходит на второй план, может вступать в противоречие с изменяющимся и развивающимся значением и даже потеряться. Этимологические исследования нередко открывают странные, с точки зрения современного человека, признаки (образы), положенные в название, отражающие своеобразие взглядов человека прошлого на обозначаемый предмет. Но по сравнению со словом, в котором реализуются исходные, элементарные формы поэзии и прозы, в произведениях художественной литературы, в пластических искусствах и собственно в научных трудах различия этих способов мышления, несмотря на общую познавательную цель, весьма существенны, приобретают характер противоположения, вытекающий из их природы. В истинно художественном образе выражается цельное, типическое представление о преходящей жизни народа, его представителях, поступках, мышлении... Отсюда непреходящая ценность таких образов как художественных, изобразительных памятников действительной жизни народов в определенную ее эпоху. При этом образы не остаются неподвижными, они изменяются и развиваются во времени. Каждое новое поколение, каждый представитель поколения понимает эти образы с позиции своего исторического положения и дает им свою оценку. Образы живут во времени, отсюда сила и непреходящая ценность истинно художественных образов, и в этом отличие поэтического мышления от научного. Наука же развивается в понятиях, которые никогда не могут быть цельными, замкнутыми, конечными. «Наука, -- пишет Потебня, -- раздробляет мир, чтобы снова сложить его в стройную систему понятий; но эта цель удаляется по мере приближения к ней, система рушится от всякого не вошедшего в нее факта, а число фактов не может быть исчерпано» [2, с. 194]. Отсюда Потебня заключает: «Есть много созданных поэзией образов, в которых нельзя ничего ни прибавить, ни убавить; но нет и не может быть совершенных научных произведений» [2, с. 194]. Идеи Потебни о роли языка в познании навеяны, надо думать, не только интересом к этой проблеме в языкознании, но и общественно-политической жизнью России того времени, где эти вопросы оказались в центре полемики между старшими славянофилами и западниками. Проблема народности, место в ней языка, роль языка в научном познании действительности -- эти темы были в кругу внимания и Потебни, и старших славянофилов. В трудах Потебни мы найдем немало ссылок на работы А.С. Хомякова, братьев К.С. и И.С. Аксаковых, Ф.И. Тютчева, А.Д. Градовского и др. К сожалению, доклад Потебни о творчестве А.С. Хомякова, прочитанный им в Харьковском университете, не сохранился [см. об этом: 11, с. 175]. У старших

славянофилов вопросы связи между наукой и народностью, вопросы известной обусловленности науки характером народности (а следовательно, и языка как одного из существенных признаков народности) нашли наиболее показательное отражение в ряде работ Ю.Ф. Самарина. В них он отстаивал то положение, что национальные начала, народность в известной степени воздействует на науку. Упреждая возможные возражения западников (см. ниже), Ю.Ф. Самарин подчеркивал, что это влияние прежде всего касается тех отраслей знания, которые относятся к духовным и материальным началам жизни народа. В качестве примера, подкрепляющего свою точку зрения, он приводит следующий: «...Гегель имел полное право сказать, что всю свою философию он извлек из немецкого языка, иными словами: он высвободил, уяснил и облек в национальную форму те понятия, которые лежали, как элементы, в народном сознании, ибо язык есть творение целого народа и, может быть, самое светлое отражение его духовной природы» [13, с. 490]. Как и следовало ожидать, эти идеи славянофилов встретили резкую критику западников, считавших, что наука вненациональна по своей природе. По мнению Б.Н. Чичерина, одного из принципиальных критиков Ю.Ф. Самарина, говорить о каком-то влиянии русской народности на науку бессмысленно и нелепо, потому что «наше общество вообще глубоко невежественно» [14, с. 181 и сл.]. Критика Б.Н. Чичерина отличалась высокомерием и бесцеремонностью, как и других западников, без глубокого изучения сущности вопроса. К критике положений славянофилов о связи народности с искусством и наукой присоединился и такой западник, как И.С. Тургенев. Свое отношение к вопросу он высказал в художественной и заметно утрированной форме. В романе «Дым» устами персонажа Потугина автор обрушился на славянофилов: «Старые наши выдумки к нам приползли с Востока, новые мы с грехом пополам с Запада перетащили, а мы все продолжаем толковать о русском самостоятельном искусстве! Иные молодцы даже русскую науку открыли: у нас, мол, дважды два тоже четыре, да выходит оно как-то бойчее» [15, с. 233]. Надо, однако, заметить, что в своем художественном творчестве И.С. Тургенев, несмотря на неоднократно высказывавшиеся уверения в своем «неисправимом» западничестве, не был последовательным западником. Свои симпатии к славянофильству он также в художественной форме высказал в романе «Дворянское гнездо», чем навлек на себя упреки друзей-западников. Объясняя свое отступление в данном случае от западничества, И.С. Тургенев писал: «Я -- коренной, неисправимый западник, и несколько этого не скрывал; однако я, несмотря на это, с особенным удовлетворением (разрядка наша. -- В.Г.) вывел в лице Паншина все комические и пошлые стороны западничества; я заставил славянофила Лаврецкого «разбить его на всех пунктах». Почему я это сделал -- я, считающий славянофильское учение ложным и бесплодным? Потому, что в данном случае -- таким образом, по моим понятиям, сложилась жизнь, а я прежде всего хотел быть искренним и правдивым» [16, с. 100]. Этот факт свидетельствует о возможном противоречии теоретических убеждений автора с образным отражением правды жизни, которая бывает сильнее его убеждений. Да и пример Потугина о «дважды два четыре» не столь убийственен при более широком рассмотрении взаимоотношения языка и науки. Потебня, например,

пишет: «...Развитие математики, начиная с самых низких ступеней, подготавливается тем, что дается человеку языком, и было бы совершенно напрасно учить арифметике такого дикаря, в языке которого (такие языки еще есть) нет числительного более четырех, да и те таковы, что понятия об отвлеченном числе нет» [9, с. 107]. В другом месте Потебня отмечает, что математически тождественные выражения современных языков, например «дважды два» и «zweimal zwei» свидетельствуют о разных представлениях, лежащих в их основе. Гносеологические вопросы, поставленные Потебней перед наукой в XIX в., не были по достоинству поняты его современниками. К тому же идеи ученого были обнародованы в малотиражных провинциальных изданиях. К сожалению, научная важность этих идей не оценена и в настоящее время, хотя в XX в. указанные проблемы стали особенно актуальными в связи с научно-технической революцией, и прежде всего под воздействием успехов ядерной физики, когда ученые проникли в явления и процессы микромира, никогда ранее не бывшего предметом человеческой практики. Познание этих явлений и процессов и выражение его результатов оказались весьма зависимыми от самих средств познания (познающего) и способности языка однозначно, непротиворечиво выразить эти результаты познания. Физика XX в. остро поставила гносеологическую проблему об антропоморфизме и субъективизме человеческого познания, о влиянии познающего и средств познания на результаты познания. Иными словами, физика и философия столкнулись в своей практике с той проблемой, на которую в свое время указал и которую разрабатывал Потебня на основе отражения и познания действительности с помощью языка. Выделить в исследовании физических явлений, с одной стороны, антропоморфный элемент, с другой -- элемент собственно физической реальности -- в этом видели ученые, изучающие процессы и законы микромира, одну из главных задач современной физики. М. Планк, например, писал, что незыблемой, хотя и недостижимой целью, явилось бы полное освобождение «физической картины мира от индивидуального творческого ума. Это и есть более точная формулировка того, что я назвал выше освобождением от антропоморфных элементов» [17, с. 49]. На эту тему писали многие физики и философы как в специальных работах, так и в популярных изданиях: Н. Бор, В. Гейзенберг, Л.И. Пономарев, М.В. Попович и др. Из современных лингвистов, обративших внимание на дискуссию физиков и философов, на гносеологическую роль языка в научных физических исследованиях, на антропоморфизм в познании, был В.А. Звегинцев (см. его комментарий к этой дискуссии: [18, с. 60 и сл.]). Важным результатом этого обсуждения гносеологических вопросов явилось общее, можно сказать, признание, что и в науке, как бы она ни глубоко зашла в своем познании, в конечном счете человеческий язык остается необходимой основой связи человека с реальностью. В. Гейзенберг писал по этому поводу: «Мы знаем, что всякое понимание в конце концов покоится на обычном языке, так как только в этом случае мы уверены в том, что не оторвались от реальности. И поэтому мы должны быть настроены скептически против любого вида скепсиса в отношении этого обычного языка и его основных понятий. Поэтому мы должны этими понятиями пользоваться во все времена. Быть может, таким образом современная физика открыла двери новому и более широкому

взгляду на отношения между человеческом духом и реальностью» [19, с. 172]. Надо отдать должное широте и глубине взглядов Потебни на вопросы роли языка в познании, охватывавших и непосредственно языковое общение, и устное народное творчество, и различные формы словесности, и пластическое искусство, и науку.

Заключение

Значение работ Потебни для современного языкознания заключается в том, что он выдвинул ряд новых принципов понимания и исследования синтаксических явлений:

1. принцип исторической изменчивости синтаксических категорий и - соответственно - принцип историзма в осмыслении современной синтаксической системы;

2. принцип структурной взаимосвязанности всех основных грамматических категорий - слова, части речи, члена предложения и предложения.

Решение основных вопросов языкознания, в том числе и проблемы определения языка в связи с теорией познания, анализ всех лингвистических проблем с точки зрения гносеологии - основная особенность лингвистической концепции Потебни. Его концепция языка, прежде всего, должна быть определена как философско-гносеологическая. Несомненная заслуга Потебни перед языкознанием в том, что он стремился к решению общих проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. М., 1958.
2. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
3. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
4. Гречко В.А. Семантическая терминология А.А. Потебни как система (К структуре лексического значения) // Наукова спадщина О.О. Потебні і сучасна філологія. Кіпв, 1985.
5. Гречко В.А. Теория языкознания. Ч. 1. Н. Новгород, 1995.
6. Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков, 1913.
7. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
8. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968.
9. Потебня А.А. Основы поэтики // Вопросы теории и психологии творчества. Т. II, вып. 2. СПб., 1910.
10. Вернадский В.И. Записка о выборе члена Академии по отделу философских наук // Коммунист, 1988, № 18.
11. Харциев В. Учение А.А. Потебни о народности и национализме // Мирный труд (Повременное издание). III. Харьков, 1902.
12. Звегинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960. См. здесь работы Э. Сепира и Б. Уорфа.
13. Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М., 1996.
14. Чичерин Б.Н. Воспоминания Б.Н. Чичерина. Русское общество 40-50 годов. Ч. II. М., 1991.
15. Тургенев И.С. Дым // Сочинения. Т. 9. М.;Л., 1965.
16. Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Сочинение. Т. 14. М.;Л., 1967.

17. Планк М. Единство физической картины мира. М., 1966.
18. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.
19. Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1963.
19. Пресняков О. Поэзия познания и творчества. М., 1980.
20. Сухих С.И. Теоретическая поэтика А.А. Потебни. Н. Новгород, 2001.